

Е. П. Барина**П. С. Кабытов****Национальный вопрос в дискурсе объединенного дворянства**

В статье анализируется полемика на съездах объединенного дворянства по вопросам, связанным с итогами и перспективами реализации имперской властью национальной политики. В центре внимания делегатов съездов находились взаимоотношения с Финляндией, Польшей, а также политика государства по отношению к евреям. Отмечается, что деятельность национальных элит западных окраин Российской империи оценивалась дворянством крайне негативно. Выявлены основные рекомендации объединенного дворянства правительству по национальному вопросу. Участники съездов подчеркивали необходимость и правомерность правовых ограничений инонациональных групп империи, унификации законодательных норм, вносили требования об изменении территориальных границ на окраинных территориях страны. Определяющей в оценке деятельности не только национальных элит, но и всего инонационального населения западных окраин империи являлась триада «чужой — другой — свой», ставшая основой проектов объединенного дворянства по национальному вопросу.

Ключевые слова: Государственная дума, «еврейский вопрос», Западный край, национальная политика, П. А. Столыпин, объединенное дворянство, Финляндия.

На съездах объединенного дворянства в той или иной степени обсуждались фактически все аспекты программы реформ П. А. Столыпина. Национальные проблемы (польский, финский, еврейский, германский вопросы) рассматривались депутатами съездов в контексте анализа проектов законов, обсуждаемых в Государственной думе. Представители правых, которые преобладали в составе общедворянской организации, высказываясь по национальным проблемам, были гораздо консервативнее П. А. Столыпина, их речи имели ярко выраженную националистическую окраску.

Анализ документов и материалов съездов уполномоченных губернских дворянских обществ (Объединенного дворянства) [23—26], содержание которых в концентрированном виде отражало весь спектр мнений губернских дворянских обществ, позволил выявить основные концепты, транслируемые дворянством в качестве приоритетов национальной политики правительства. Poleмика вокруг «финляндского», «польского» и «еврейского» вопросов была органично взаимосвязана. Обсуждая политику правительства по отношению к Финляндии или дебаты в Государственной думе по вопросу о введении земства в западных губерниях, депутаты съездов пытались найти общие формулы решения национального вопроса, провести сравнительный анализ взаимоотношений русского населения с коренным населением западных окраин Российской империи.

Государственная национальная политика на рубеже XIX — начала XX в. рассматривается современными исследователями в рамках проблемы формирования российской идентичности и моделей управления, осуществляемых имперской властью в полиэтничных регионах Российской империи. Проблематика исследований связана с изучением различных аспектов проведения единой национальной имперской политики, специфики межэтнических отношений, выявлением факторов, воздействующих на процесс формирования российской нации, моделей взаимодействия властных структур с национальными образованиями [18; 19].

Наиболее подробно в отечественной и зарубежной историографии представлены оценки правительственной политики в отношении Финляндии в конце XIX — начале XX века [2—4; 5; 8; 22; 37]. Отметим, что юридические основания и правомерность

© Барина Е. П., Кабытов П. С., 2022

политики коронной администрации в отношении Великого княжества Финляндского обсуждались дореволюционными российскими и финскими политиками и юристами. В финской историографии она оценивалась как «угнетение». Авторы выделяли два этапа в ее реализации: 1899—1905 гг. («первый период угнетения») и 1908—1911 гг. («второй период угнетения»). В дальнейшем попытки русского правительства ликвидировать автономию Финляндии стали называть «русификацией», а затем этот термин был заменен «унификацией» [15—17]. Современные отечественные и финские исследователи проанализировали эволюцию взглядов на государственно-правовой статус Финляндии. Ими выявлены особенности модели управления, причины и последствия трансформации правительственной политики в отношении Финляндского княжества [3; 6; 22; 29; 37, с. 710—740]. Дана оценка роли П. А. Столыпина в ограничении автономии Финляндии, полемики на заседаниях Государственной думы и Государственного совета, дискуссий в российских и российско-финляндских совещаниях в 1906—1910 гг. [2; 4; 8; 11; 35].

Национальная программа правительства неразрывно связана с полемикой и политической борьбой по поводу законопроекта П. А. Столыпина о введении земства в западных губерниях [9; 12; 13]. В исторической литературе отмечается, что «русские правые публицисты и политики на страницах своих произведений и в публичных речах защищали права славяно-русского населения Западного края, осуждали дискриминацию по национальному и религиозному признакам, которая имела место в западных регионах Российской империи» [33, с. 91]. Однако законопроект оценивался неоднозначно, дворянство полагало, что меры, предложенные П. А. Столыпиным, будут малоэффективными [7; 33]. Проекты объединенного дворянства по «еврейскому вопросу», отражение антисемитских взглядов черносотенных лидеров в программных документах и политической практике охарактеризованы в статьях А. Б. Миндлина, М. С. Сапир, И. В. Омелянчука [20; 21; 27; 31].

В современной историографии достаточно подробно изучены особенности взаимодействия дворянства и власти. Правомерно отмечается, что Постоянный совет объединенного дворянства как исполняющий орган объединенной дворянской организации оказывал воздействие на формирование внутренней политики правительства [1]. На дворянских съездах вырабатывались позиция и тактические установки, которые впоследствии транслировались правыми депутатами Государственной думы и членами Государственного совета. Дискурс дворянских депутатов по национальному вопросу был обусловлен также задачами усиления экономических позиций дворянства в приграничных регионах и самопрезентации сословия как «миссионера национальной жизни, национальных интересов страны» [24, с. 93—94].

Изменения правительственного курса в отношении Финляндии были вызваны как экономическими, так и геополитическими причинами. Как известно, в конце XIX века правительство стремилось обеспечить безопасность Санкт-Петербурга со стороны западной русской границы [22, с. 264—277]. Российские высшие военные круги полагали, что в случае войны Германия может нанести основной удар по российским опорным базам в Финляндии, что обуславливало тщательную разработку планов обороны северо-западных рубежей империи. Император Николай II по рекомендации военных советников принял решение о ликвидации национальных вооруженных сил Финляндии и ее включении в состав столичного военного округа [6]. К тому же постепенное усиление финансового влияния Германии в Финляндии, снижение доли российских товаров в регионе настораживало российских предпринимателей.

В начале XX века на территории Финляндии началось постепенное введение ряда общеимперских мер: была расширена компетенция генерал-губернатора, на админи-

стративные посты практиковалось назначение русских чиновников. Подобная политика привела к снижению финляндской автономии, росту в высших слоях общества антиправительственных настроений, попыткам некоторых государственных и общественных деятелей Финляндии восстановить особые права Великого княжества.

События первой российской революции поставили перед правительством П. А. Столыпина задачу организации борьбы с революционерами, находящимися на территории княжества и нелегальным ввозом через Финляндию оружия в Россию. Начиная с лета 1906 г. премьер-министр пытался добиться от администрации княжества нейтрального отношения к действиям российской полиции и жандармерии, а также ставил вопрос о введении военного положения в Выборгской губернии [3]. Участники созданного в 1907 г. Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского должны были провести унификацию свода законов по образцу российского законодательства. Было предложено два возможных способа участия представителей Финляндии в Государственной думе и Государственном совете. В качестве рабочего органа при Совещании в марте 1909 г. была создана смешанная русско-финляндская подготовительная комиссия во главе с государственным контролером П. А. Харитоновым. В ее состав вошли по 5 представителей от России и Финляндии. Комиссия должна была разработать перечень вопросов, подлежащих общеимперскому законодательству. Ставилась задача определить порядок их рассмотрения в российском парламенте. Предложения финляндских представителей, несмотря на их умеренный характер, были отвергнуты [4]. Одновременно с работой комиссии в Государственной думе обсуждался проект будущих изменений в законодательстве княжества.

В 1908 г. по инициативе октябристов в Государственной думе началась дискуссия по ограничению автономии Финляндии. Депутаты Думы акцентировали внимание на революционной, противоправительственной деятельности различных организаций, находившихся на территории Финляндии, организующих покушения на должностных лиц и нелегальный провоз оружия. Выступая в Государственной думе 5 (18) мая 1908 г., П. А. Столыпин подчеркнул необходимость сохранения державных прав России в Финляндии [34, с. 130—131]. Его позиция была поддержана октябристами и правыми. Кадеты предложили идею параллельного законодательства. По их мнению, общеимперские законы, которые распространялись на правовое поле Финляндии, должны были приниматься не только Думой и Государственным советом, но и Сеймом Финляндии [2, с. 36—38; 35, с. 102—104].

14 марта 1910 г. был принят высочайший манифест о внесении председателем Совета министров в Думу и Государственный совет законопроекта о порядке издания законов общеимперского значения, касающихся Финляндии. По этому законопроекту Сейм приравнивался к земствам в российских губерниях. Финляндия обязывалась проводить мобилизацию в имперскую армию, вводилось два государственных языка — финский и русский. 22 марта законопроект был передан в думскую комиссию, которая внесла в него ряд изменений и дополнений.

Параллельно вопрос о «финляндской окраине» обсуждался на VI съезде уполномоченных дворянских обществ 33 губерний 17 и 19 марта 1910 г. В качестве экспертов на заседание съезда были приглашены члены Харитоновской комиссии — В. Ф. Дейтрих, Н. А. Мясоедов, генерал М. М. Бородкин, Н. Н. Корево и Б. М. Якунчиков. С обширным докладом выступил Н. Н. Корево, который в 1906—1913 гг. входил в различные комиссии и совещания по систематизации финляндских законов, а также контролировал исполнение дел Великого княжества в канцелярии Совета министров.

Выступая в прениях, депутаты съезда поддержали предложения комиссии по вопросу об автономии Финляндии. Они подчеркивали необходимость общеимперского законодательства для устранения прецедентов и возможных потенциальных попыток со стороны властей Финляндского княжества расширить свои территориальные границы. Особый акцент был сделан на географическом положении Выборгской губернии. Князь Н. Б. Щербатов отметил слабое развитие помещичьего хозяйства в регионе в связи с отсутствием российских кредитных учреждений в Выборгской губернии [24, с. 501]. Представитель саратовского дворянства С. В. Киндяков отметил, что деятельность миссионеров в Финляндии представляет угрозу для целостности российской государственности и тем самым подготавливает почву для выхода княжества из состава Российской империи. Он призвал членов съезда принять постановление по этому вопросу, в котором обозначить принципиальную позицию объединенного дворянства: сохранить территориальные границы княжества по состоянию на момент его присоединения в 1809 г., закрепить российскую принадлежность Выборгской губернии и уравнивать права русских граждан с правами финнов, и прежде всего в вопросах налогообложения. В его выступлении прозвучала мысль, неоднократно транслируемая затем другими депутатами съезда, что «население национальных окраин живет гораздо лучше, чем коренное русское население». И далее он пришел к выводу о том, что на территории Финляндии и Польши «русский человек является бесправным» [24, с. 503—505, 522].

Псковский депутат В. Л. Кушелев предложил рассматривать финляндский Сейм так же, как и любое губернское земское собрание. Он предостерег делегатов съезда от излишней лояльности по отношению к сепаратистским настроениям со стороны общественных деятелей национальных окраин, с горечью предсказывал, что «в конце концов, мы придем к тому, что вслед за поляками и финляндцами появятся армяне, грузины и татары, потому что и татары говорят, что пришло им время обособиться, так что через несколько времени, может быть, я буду просить о том, чтобы мне сделаться ханом» [24, с. 507].

В ходе дискуссий на съезде о статусе Выборгской губернии с обширными речами, в которых был представлен анализ взаимоотношений Финляндии и Российской империи, выступили профессор Н. О. Куплевасский и В. Ф. Дейтрих. В качестве доводов, характеризующих государственно-правовой статус Финляндии, они приводили положения Манифеста 9 февраля 1816 г. и Проекта временного управления Финляндии с образованием независимого Правительствующего совета, составленного А. А. Аракчеевым. По их мнению, Александр I считал Финляндию не независимым государством, а провинцией [24, с. 515]. Было принято 1-е постановление по финляндскому вопросу, в котором отмечалось, что «окраина наша служит местом всевозможно дерзких выходов, возмущающих русское патриотическое чувство». Делегатами съезда выражалась уверенность, что Государственная дума и Государственный совет рассмотрят проект закона, «отвечающий достоинству и пользам Государства Российского, нераздельную часть которого составляет княжество Финляндское, чем раз и навсегда будет положен предел финляндским домогательствам об особой государственности, не находящим себе оправдания в исторических событиях» [24, с. 628]. Вопрос о включении в текст резолюции указания о необходимости возвращения Выборгской губернии было решено передать в редакционную комиссию и обсудить его на следующем заседании съезда. Предложение В. Л. Кушелева включить в резолюцию тезис о правах граждан русских, проживающих в Финляндии, не было поддержано, поскольку секретарь съезда С. А. Панчулидзеv отметил, что эта идея уже содержится в законопроекте, внесенном на рассмотрение Государственной думы [24, с. 522].

19 марта 1910 г. съезд обсудил проект 2-го постановления по финляндскому вопросу. В него был внесен весьма животрепещущий для дворянства тезис о территориальной

принадлежности Выборгской губернии. Ряд участников съезда (Я. В. Кривцов, кн. Б. Н. Щербатов, В. С. Киндяков) предложили обратиться с ходатайством к Николаю II о «передаче Выборгской губернии обратно в Россию». Но против этого выступили барон А. А. Пиллар фон Пильхау (Лифляндия), барон Э. Н. Деллингсгаузен (Эстляндия), барон А. А. Буксгевден (Эзельская Ландратская коллегия) и А. Н. Крупенский (Бессарабия), которые считали, что этот акт может «нарушить интересы и частные права жителей губернии». Они отказались от голосования по данному вопросу [24, с. 550, 552, 553]. В результате острой дискуссии съезд единогласно принял более мягкую по сравнению с первоначальным проектом редакцию 2-го постановления, которую было поручено довести до сведения правительства председателю Постоянного совета объединенного дворянства гр. А. А. Бобринскому [24, с. 562]. В ней обращалось внимание на «вредные политические и стратегические последствия» принадлежности Выборгской губернии к территории Финляндского княжества [24, с. 629].

В апреле 1910 г. законопроект был передан на отзыв Сейма Финляндии, депутаты которого категорически отказались от участия финнов в деятельности Думы и Государственного совета. В качестве ответной меры 24 сентября (7 октября) 1910 г. император Николай II объявил о роспуске Сейма. В мае 1910 г. законопроект обсуждался в Государственной думе. Против его принятия выступили кадеты, которые высказывались за необходимость достичь соглашения с Сеймом [2; 4; 8; 35].

Как руководствуясь своими личными убеждениями, так и учитывая настроения Совета объединенного дворянства, П. А. Столыпин при обсуждении этого вопроса в Думе и Государственном совете произнес ряд убедительных речей, в которых, отстаивая общеимперские интересы, требовал ограничения политической автономии Финляндии [34, с. 288—311]. В результате 17 июня 1910 г. был принят закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения» [28]. Он стал нормативной базой для последующего законодательства в отношении Финляндии.

Однако на VIII съезде объединенного дворянства (5—12 марта 1912 г.) представителем московского дворянства генералом С. С. Бутурлиным вновь был поднят вопрос о Финляндии. Он заявил, что «Финляндия — это лишняя, готовая армия против нас», а потому вновь предложил выступить с ходатайством о немедленном присоединении Выборгской губернии и закрытии Финляндского сейма [25, с. 514—516]. Планируемое рассмотрение правительством вопроса о присоединении двух приходов Выборгской губернии вызвало ажиотаж, поэтому предложение кн. П. Л. Ухтомского решить вопрос мирным путем «культурными средствами», а не требовать закрытия Сейма и вступать в конфликт, не было услышано собравшимися [25, с. 517].

По мнению С. В. Киндякова (Саратов), «финляндцы совершенно покорились этому предложению русского правительства. И примирились... с мыслью, что вся Выборгская губерния будет возвращена России» [25, с. 516]. А В. Л. Кушелев (Псков) призвал закрыть Сейм и ввести в каждой губернии Финляндии земские учреждения [25, с. 518]. Объединенное дворянство по инерции продолжало обвинять правительство в недостаточно «энергичных действиях» в отношении Финляндии, а финских сепаратистов в лице Лео Мехелина — в противоправительственной агитации и антироссийских настроениях [25, с. 520]. Радикально был настроен А. А. Нарышкин, который призвал бить «не по народу, а по кучке агитаторов». Но в связи с тем, что многие депутаты съезда уже разъехались, так как вопрос обсуждался в последний день его работы, оставшаяся часть съезда приняла решение — поручить Постоянному совету возобновить ходатайство, принятое VI съездом.

Следует отметить заключительный этап обсуждения законодательных инициатив Постоянным советом. Так, на X съезде 4 марта 1914 г. председатель Комиссии по систематизации финляндских законов Н. Н. Корево прочитал доклад «Финляндия и общегосударственное законодательство». В нем он сделал обзор высказываний дворянских лидеров на VI и VIII съездах и постановлений, принятых по их итогам. По его мнению, упреки либералов в русификации и денационализации Финляндии были безосновательны [26, с. 375—389]. Обсуждая доклад Н. Н. Корево, депутаты съезда приводили примеры революционизирующего влияния окраины на политическую обстановку в Петроградской губернии, а также «пассивного сопротивления» финляндцев общеимперскому законодательству. Они вновь и вновь говорили о необходимости «незамедлительного выделения» всей Выборгской губернии из состава Финляндии и присоединения ее к империи, а не только предполагаемых по проекту Военного министерства трех ее приходов, подчеркивая, что данная мера необходима для обеспечения безопасности границ [26, с. 339—355]. По итогам обсуждения съездом были приняты три резолюции по финляндскому вопросу. В первой из них съезд выражал «уверенность, что правительством будут приняты меры» к справедливому распределению налогов и платежей по государственному долгу между Финляндией и прочими частями империи. Во второй резолюции делегаты съезда высказывались за «необходимость возвращения в имперское управление тех частей Финляндии, которые были переданы в финляндское управление в 1811 году». В третьей резолюции дворяне единогласно высказались за уничтожение Статс-Секретариата Великого княжества Финляндского [26, с. 354—355, 403].

Западные окраины в риторике правых были «внутренними врагами». Можно согласиться с М. А. Витухновской-Каушала, что даже в «эмоциональной стилистике речей правых» проявлялось чувство оскорбленного национального достоинства, финляндская автономия «воспринималась как враг, как чужой, как человек, вкравшийся в доверие, но обманувший его» [8, с. 138]. Дворянство опасалось, что излишняя автономия княжества послужит нежелательным прецедентом для других национальных окраин империи, прежде всего Польши, Эстонского и Ливонского княжеств.

П. А. Столыпин также предполагал реализовать проект создания Холмской губернии с преимущественно русским населением, выделив ее из польских Люблинской и Седлецкой губерний. Обсуждение этого вопроса вылилось в дискуссию о статусе национальных окраин и принципах административного деления страны. В ходе обсуждения этого вопроса выдвигались аргументы как против создания Холмской губернии, основывавшиеся на общегосударственном подходе, так и за объединение населения Холмщины независимо от конфессиональных и этноязыковых границ [7].

Исследователи полагают, что самым значимым в национальной политике правительства П. А. Столыпина стал вопрос о введении земства в западных губерниях [9, с. 159—160; 12; 13, с. 151—154]. По этому вопросу премьер-министр неоднократно выступал в Государственной думе и Государственном совете [34, с. 208, 220, 270, 286, 326, 362]. В проекте предусматривалось создание земских учреждений в шести западных губерниях и обосновывалась целесообразность изменения порядка выборов членов Государственного совета от западных губерний. Из-за отсутствия земских учреждений в регионе члены Совета избирались дворянскими собраниями, где количественно доминировали помещики польского происхождения. Введение земств на основе национальных курий позволило бы блокировать политические амбиции польских помещиков [9, с. 160—161].

Проекты П. А. Столыпина по реорганизации местного управления и самоуправления фактически были провалены благодаря усилиям поместного дворянства и прежде всего объединенной дворянской организации [14, с. 84—88]. На IV съезде объединенного дво-

рянства (9—16 марта 1908 г.), посвященном критике проектов правительства в области местного управления, в том числе была представлена «Справка по вопросу о восстановлении собраний и выборов дворянства в девяти западных губерниях». Но данный документ на съезде не обсуждался.

Накануне обсуждения законопроекта о введении земства в западных губерниях в Государственной думе состоялся VI съезд объединенного дворянства, на котором вспыхнула дискуссия о «польском вопросе». 16 марта 1910 г. депутат от Псковской губернии Я. Н. Офросимов выступил с докладом о положении дворянства в западных губерниях. Председатель съезда граф А. А. Бобринский, предоставляя ему слово, отметил, что данный вопрос еще не рассматривался на съездах и большинство депутатов с ним не ознакомлено. Я. Н. Офросимов предложил участникам съезда обсудить три проблемы: о представительстве от западных губерний в Государственном совете, о восстановлении дворянских выборов в Западном крае, а также о том, чтобы в состав съездов объединенного дворянства вошли представители от западных губерний. Он рекомендовал изменить порядок назначения уездных и губернских предводителей в этих губерниях, предоставить право участия западно-русским дворянам в общедворянской организации, а также считал необходимым установить приоритет при выборах членов Государственного совета [24, с. 426]. При обсуждении квот представительства от западных губерний в Государственном совете представители дворянства с горечью говорили о том, что «коренное русское население, составляющее в крае большинство, чувствует себя крайне обиженным». Эти суждения были вызваны тем, что в состав Государственного совета от девяти западных губерний входили только поляки, так как выборы производились землевладельцами. Делегаты съезда возмущались непропорциональной системой представительства. В качестве доказательства приводились данные о составе населения девяти губерний западного края¹, где проживало 18 млн. русского населения и всего лишь 500 000 польского. Далее говорилось о том, что только $\frac{1}{3}$ частновладельческих дворянских земель принадлежит русским помещикам, которые в большинстве своем в этих губерниях не проживают. Они «разобщены и не слишком обеспечены» [24, с. 427—428]. Убедительно для депутатов прозвучали слова предводителя дворянства Витебской губернии в 1903—1905 гг. А. А. Римского-Корсакова, который оценил положение русского населения в крае как «совершенно безотрадное» [24, с. 430].

Острая критика поляков и польского дворянства содержалась в выступлении В. Л. Кушелева (Псков), который напомнил собравшимся, что в 1890—1899 гг. он был чиновником особых поручений при Варшавском генерал-губернаторе и, по его словам, подвергался всяческим унижениям и издевательствам со стороны поляков, «был изгоем из общества» [24, с. 432]. Он констатировал отсутствие лояльности к русским со стороны польского населения, приверженность поляков «бессмысленным мечтам о восстановлении Польши от моря до моря» и призвал собравшихся ходатайствовать перед правительством о предоставлении преимущественных прав русскому населению во всех законодательных учреждениях [24, с. 434—435, 438].

Выступавшие в прениях делегаты съезда надеялись, что планируемая земская реформа приведет к желательным для них результатам — созданию двух отдельных курий с фиксированным количеством делегатов от русского населения (кн. Н. Б. Щербатов, Полтава). Они выступали за изменение порядка выборов и представительства от западных губерний в Государственный совет [24, с. 438—440].

¹ Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской.

27 апреля 1911 г. при обсуждении в Думе запроса о неправомерном применении правительством 87-й статьи для принятия закона о западном земстве П. А. Столыпин, обосновывая правомерность своих действий, заявил, что «в этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной нашей границе на страже русских государственных начал» [34, с. 355—356].

Принятие закона «О распространении действия Положения о земских учреждениях на Витебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии» спровоцировало в Российской империи острый политический кризис [9, с. 161—162; 13, с. 151—154]. Однако главная цель П. А. Столыпиным все же была достигнута и система земского самоуправления распространилась на территорию Северо-Западного края [12]. Вопрос о введении земства в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях неоднократно рассматривался, однако решение так и не было принято.

Сложная ситуация возникла в правительстве при рассмотрении «еврейского вопроса», обсуждение которого вызвало большой общественный резонанс. В письме императору Николаю II П. А. Столыпин отмечал, что обсуждение этого вопроса в Совете министров было предпринято в превентивных целях, чтобы «успокоить революционную часть еврейства» [13, с. 147].

Дворянские общества, начиная с конца XIX века, активно противодействовали включению в них евреев. По результатам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 108 потомственных дворян (обоих полов и всех возрастов) еврейского происхождения и еще 88 в других частях империи. 2905 евреев имело личное дворянство. Они, согласно постановлениям Сената 1898 и 1901 гг., не имели безусловного права поступления на государственную службу. На очередных губернских дворянских собраниях 1899 г. были приняты решения о необходимости ходатайствовать перед императором, министрами внутренних дел и юстиции о разъяснении и дополнении статьи 1106 закона о состояниях [1, с. 61—62]. Совецание губернских предводителей дворянства (1899 г.), обобщившее результаты этих ходатайств, предложило правительству предоставить дворянским обществам право исключать из них евреев.

Особое совещание по делам дворянского сословия, обсуждавшее в числе прочих вопрос о возведении в дворянское достоинство, высказалось за категорический запрет приобретения евреями потомственного дворянства «чинами на службе и пожалованием орденов» [21]. Современный исследователь С. Беккер полагает, что это решение было связано с неприятием участниками Совещания бюрократов из недворянских сословий как чуждых нравственным ценностям сословия. Бюрократы же иудейского происхождения воспринимались дворянством «как смертельная угроза» сословию [5, с. 39]. По Указу императора Николая II от 28 мая 1900 г. было запрещено включение дворян-евреев в губернские родословные книги, что, по сути, закрывало им возможности получения дворянского достоинства, так как участие их в деятельности земств и городских дум было запрещено еще с 1890 г. Как видим, и имперская власть, и первенствующее сословие все еще продолжали по инерции включать евреев в категорию «чужие».

Вновь «еврейский вопрос» заинтересовал дворянство в годы Первой российской революции в связи с созданием «Союза русского народа» и других правых помещичьих партий, которые распространяли негативное отношение к революционерам еврейского происхождения на все еврейское население [27].

15 мая 1906 г. от имени 151 депутата в I Государственную думу был внесен законопроект об отмене всех распоряжений и законов, дискриминирующих какую-либо часть

населения России как религиозное или национальное меньшинство. В связи с этим уже перед самым закрытием I съезда уполномоченных губернских дворянских обществ, 28 мая 1906 г., делегат В. Г. Бланк поставил вопрос о недопустимости равноправия евреев с русским населением [23, с. 135]. Затем он настойчиво пытался добиться обсуждения его на II съезде в связи с планируемыми проектами правительства издать в порядке 87-й статьи Основных законов новый закон о смягчении некоторых ограничительных мер против евреев и внесении на обсуждение [20, с. 13—14]. 18 ноября 1906 г. на заседании съезда было озвучено заключение Постоянного совета по представленной В. Г. Бланком записке «О недопустимости равноправия евреев». В резолюции отмечалось, что «анархия, потрясающая наш государственный и социальный строй, по собственному признанию евреев, есть главным образом их дело, стремление же их и конечная цель — не равноправие, а господство» [23, с. 247, 901]. В связи с этим Постоянный совет высказался против отмены ограничений в отношении евреев и направил 11 декабря 1906 г. П. А. Столыпину письмо с ходатайством по данному вопросу. 25 декабря премьер-министр ответил Совету, что предложения Совета министров по этому вопросу будут представлены на рассмотрение Думы и Госсовета [20, с. 15].

Представители крайне правых партий, в частности В. М. Пуришкевич и Н. Е. Марков-2, неоднократно выступали в Государственной думе с антисемитскими заявлениями. Высказывался по «еврейскому вопросу» и Совет объединенного дворянства. 19 марта 1910 г. на заседании VI съезда обсуждался доклад С. А. Панчулидзева «О еврейском вопросе», в котором он предлагал одобрить ряд новых ограничений для евреев. Свои доводы он подтверждал ссылками на документы, входящие в подготовленную канцелярией Постоянного совета справку из двух частей, содержащую компиляцию сведений о законодательном положении евреев, истории погромов 1881—1882 гг. и деятельности губернских комиссий по «еврейскому вопросу» и Комитета о евреях [20; 24, с. 565]. Обсуждение доклада было кратким, дискуссии вызвал тезис доклада о необходимости «удаления евреев со всякой без исключения государственной и общественной службы». С. А. Панчулидзева мотивировал свое предложение ссылкой на слова из выступления председателя Государственной думы А. И. Гучкова, который считал «святой истиной» то, «что все революционное движение захвачено еврейством...» [24, с. 567]. В. М. Пуришкевич предложил обратиться к правительству с предложением строгого контроля за соблюдением процентной нормы принятия евреев в средние и высшие учебные заведения, которые нарушаются руководством учебных заведений [24, с. 569]. В связи с этим в сентябре 1910 г. председатель Постоянного совета граф А. А. Бобринский ходатайствовал перед правительством о необходимости точного соблюдения процентной нормы при приеме евреев в учебные заведения [10, л. 417—423].

По предложению Н. Е. Маркова съезд принял решение разработать этот вопрос детально, выработав «основные положения, долженствующие лечь в основание дальнейшего направления этого вопроса» [24, с. 570]. В апреле 1910 г. Постоянный совет принял решение направить постановление съезда по данному вопросу в Совет министров. На заседании комиссии Постоянного совета по еврейскому вопросу 30 декабря 1910 г. председатель комиссии М. Я. Говорухо-Отрок заявил, что доклад Панчулидзева не исчерпывает сути дела, в частности в нем не упоминается об ограничении евреев в политических правах, и предложил приравнять их к иностранцам. На возражение Панчулидзева, что подобная практика фактически невозможна, Н. Е. Марков-2 предложил законодательным путем «создать для евреев такое положение, что их пребывание в России делается невозможным. Лишенные прав русских подданных, они массами будут эмигрировать, и государство должно оказывать им в этом содействие» [20, с. 23]. Комиссия сформули-

рвала ряд предложений, предусматривающих строгое выполнение норм законодательства о черте еврейской оседлости и ограничивающих политические права евреев. При их обсуждении большинство членов Постоянного совета заявило о трудной выполнимости ряда этих мер и предложило более общую форму законодательных предположений.

Эта резолюция обсуждалась VII съездом объединенного дворянства 12 февраля 1911 г. Дискуссия имела бурный характер в связи с тем, что 31 мая 1910 г. по инициативе кадета Л. Нисселовича в III Государственную думу был внесен законопроект об отмене черты оседлости. Вокруг этого предложения на заседании Думы разгорелась ожесточенная борьба. Выступивший от лица правых депутатов Н. Е. Марков-2, убежденный антисемит, по сути дела, озвучил принятые комиссией Постоянного совета объединенного дворянства положения по «еврейскому вопросу» и предложил «массовое выселение евреев куда угодно, но только подальше от России» [32, стб. 1543, 1555—1568].

На заседании VII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний тон обсуждению вновь задал Н. Е. Марков-2. Он начал свое выступление с указания на «крайнюю вредоносность евреев в России» и их активное переселение в центральные губернии Европейской России, отметив, что «уже целый ряд городов, находящихся вне черты российской оседлости, захвачен иудеями» [25, с. 114—115]. Количественное преобладание лиц еврейской национальности в торговом сословии, среди бюрократии и даже в государственных органах расценивалось выступавшими как угроза не только для узких классовых интересов, но и государственных. Так, В. М. Пуришкевичем в качестве примера было приведено Министерство народного просвещения, а Н. Е. Марковым — деятельность «противогосударственного элемента» в лице С. Ю. Витте [25, с. 116]. Н. Е. Марков предложил лишить евреев права участия в законодательной жизни государства, не допускать их на государственную службу, запретить им осуществлять преподавательскую и врачебную деятельность для русского населения. Закончил он свое выступление призывом «согнать в черту оседлости», а затем и вовсе изгнать евреев из России [25, с. 120].

Гр. В. Е. Рейтерн-Нолькен (Митава) и К. Ф. Головин (Тверь) предложили устранить евреев от военной службы. А в обширных выступлениях Г. А. Шечкова и кн. П. Л. Ухтомского в качестве доводов были приведены примеры из всемирной истории о необходимости защиты христианской веры [25, с. 121—127]. Автор нескольких антисемитских книг и брошюр, защитник погромщиков в судебных процессах по делам о еврейских погромах в 1903—1905 гг. присяжный поверенный А. С. Шмаков со ссылками на еврейское вероучение на протяжении двух заседаний съезда доказывал идею существования всемирного еврейского правительства, повелевающего народами и жаждущего захватить власть [25, с. 28—139, 144—157]. Съезд выразил благодарность Шмакову и постановил напечатать его речь отдельной брошюрой. Однако подготовленная им впоследствии брошюра существенно расходилась со стенограммой речи на съезде и содержала критику Священного писания. В этой связи Постоянный совет отказался издавать эту брошюру от имени объединенного дворянства. Впоследствии автор ее существенно дополнил и выпустил отдельной книгой [36]. В прениях по докладу кн. П. Л. Ухтомский предложил дать юридическое обоснование обсуждаемым предложениям и, «не ограничивая гражданских прав» евреев, прекратить и приостановить их пользование политическими правами, так как их можно считать подданными своего «духовного еврейского государства» [25, с. 168—169]. Встреченный бурными аплодисментами собравшихся дворян, В. М. Пуришкевич отметил, что в настоящее время в России существуют три революционные трибуны — Государственная дума, которая «выдыхается с каждым днем», либеральная печать и судебные учреждения, в связи с чем он призвал установить 10—15%-ное соотношение в числе присяжных поверенных лиц еврейской национальности [25, с. 173].

Подводил итоги обсуждения 14 февраля 1911 г. вновь Н. Е. Марков. Он ознакомил делегатов съезда с постановлением комиссии по еврейскому вопросу и правкой редакционной комиссии съезда. В нем содержалось три основных пункта, которые предполагали «безусловное недопущение евреев» на государственную службу, а также ни к какой деятельности «законодательной и педагогической»; запрет к «отбытию воинской повинности», признание необходимости отделить «русскую учащуюся молодежь от еврейской», для чего упразднить «доступ в высшие учебные заведения процента евреев и предоставив последним пользоваться лишь точно определенными за ними учебными заведениями». Кроме того, он предложил собравшимся проголосовать еще за пять дополнений: «черта еврейской оседлости ни в коем случае не должна быть расширяема»; «евреи, хотя бы и переменявшие вероисповедание», не должны получать прав российского дворянства; не должны допускаться к судопроизводству; к участию в городских и земских собраниях и занятию должностей в городском и земском самоуправлении; а также лишены права приобретать недвижимость [25, с. 178, 179]. Закончил он свою речь пророческим призывом: «И нечего заблуждаться, нечего говорить о какой-то отвлеченной справедливости, — мы на войне... Нас ждет вторая революция, которую снова готовят иудеи. ...И если вы теперь, гг., с вашей неуместной снисходительностью и уступчивостью, доведете дело до того, что наступит вторая революция, то нас уже будут не только жечь и грабить, нас начисто перебьют... Я не останусь в живых, в этом я убежден, думаю, что тоже будет и с Вами, за исключением, конечно, тех, кому удастся заблаговременно уехать в Ниццу, но таких, господа, будет очень немного» [25, с. 181]. Съезд постановил предположения о недопущении евреев к некоторым свободным профессиям (адвокаты и пр.) и к службе в городских и земских учреждениях, как требующие подробного обсуждения, передать в Совет для доклада следующему съезду, а предложение Совета о признании евреев иностранцами отклонить [26, с. 184—185].

9 февраля 1911 г. Совет министров принял постановление, утвержденное императором Николаем II 11 марта, предусматривающее ограничение количества евреев, сдающих экзамены в средних учебных заведениях в качестве экстернов, общей процентной нормой (от 3 до 15%). 11 марта 1911 г. он подписал закон «О процентных нормах допуска евреев к экзаменам в качестве экстернов в предусмотренные в означенном положении средние учебные заведения» [30, с. 169].

Несмотря на принятые съездами постановления по «еврейскому вопросу», Постоянный совет и комиссия по еврейскому вопросу неоднократно возвращались к обсуждению ограничений приема евреев в высшие учебные заведения и недопущения их службы в армии в 1913—1914 гг. [20]. На X съезде уполномоченных дворянских обществ по докладам Совета было принято решение признать желательным распространение процентной нормы приема евреев и на женские средние школы, а также установление для евреев взамен воинской повинности обязательных работ с факультативной заменой последних особым налогом [26, с. 355—356].

Видный российский историк А. И. Миллер, оценивая особенности русского национализма, полагает, что он идеологически развивался во взаимодействии и соперничестве с другими национализмами империи. Отмечая его особенности, он подчеркивает, что «включение той или иной территории в империю и даже заселение ее русскими сами по себе не означали, что это пространство в категориях ментальных карт воображаемой географии автоматически становилось частью русской национальной территории» [19, с. 170].

В реализации национальной политики и разработке новых законодательных актов имперская власть опиралась на законодательные инициативы, которые рассматривались

в ходе работы съездов уполномоченных губернских дворянских обществ. Дискуссии на дворянских съездах не только дают представление о взглядах консервативной части политической элиты на отдельные национальные проблемы. Вольно или невольно концептуальные построения депутатов съезда касались проблем взаимоотношений русского населения с инонациональными группами. В дворянском дискурсе не только представители национальных элит, но и все инонациональное население западных окраин империи воспринималось как «чужое». Именно это стало основным фактором, повлиявшим на процесс разработки новых законодательных актов. Законотворческие инициативы воспринимались интеллектуальным сообществом Финляндии, Польши и элитами национальных окраин негативно, что обусловило не консолидацию народов, входящих в состав Российской империи, а рост социальных противоречий. Поэтому реализация правительственной национальной политики носила противоречивый характер, что, так или иначе, способствовало росту антирусских настроений на западной окраине Российской империи.

Дворянство неоднократно транслировало мысль о том, что малейшие уступки национальным окраинам могут привести к территориальному распаду империи. Поэтому, оценивая население западных окраин потенциально как внутренних врагов империи, дворянские лидеры для борьбы с «сепаратизмом окраин» предлагали различные методы для ограничения правового пространства населения, живущего на западных окраинах Российской империи. К их числу можно отнести идеи об унификации законодательных норм на всей территории Российской империи, ограничении правовых возможностей национальных меньшинств и обеспечении прав русского населения на национальных окраинах. Не забывали депутаты и о лоббировании своих экономических и политических корпоративных интересов на территории Выборгской и западных губерний.

Список использованных источников и литературы

1. Барина Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М. : РОССПЭН, 2008. 351 с.
2. Бахтурина А. Ю. Дискуссии об общегосударственном и местном законодательстве в отношении Великого княжества Финляндского (1908—1910 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 8 (29). С. 31—48.
3. Бахтурина А. Ю. Российское революционное движение и Великое княжество Финляндское (1905—1908 гг.) // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 59—69.
4. Бахтурина А. Ю. Дискуссии 1906—1910 гг. об участии депутатов от Великого княжества Финляндского в работе Государственной Думы и Государственного Совета // Таврические чтения. 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция : сб. науч. статей : в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб. : Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. С. 55—61.
5. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 346 с.
6. Булатов Ю. Финляндия и имперская политика дома Романовых // Международная жизнь. 2016. № 1. С. 30—59.
7. Верняев И. И. Решение Холмского вопроса: дискурсивные практики в Российской империи начала XX века // Русин. 2018. № 53 (3). С. 97—114. DOI: 10.17223/18572685/53/7.
8. Витухновская-Кауппала М. Политическая маркировка пространства Российской империи: Финляндия и Польша в думской дискуссии (1907—1912) // Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906—1917). Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. : сб. науч. статей / ред. А. Б. Николаев. СПб., 2010. С. 127—141.
9. Гайда Ф. А. Национализм в правительственной политике П. А. Столыпина // Вопросы национализма. 2015. № 1 (21). С. 155—162.
10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 434. Оп. 1. Д. 203.

11. Дрожжина С. В. Роль национальных взглядов П. А. Столыпина в формировании территории Российской империи («финский вопрос») // Цивилизационная миссия России: к 300-летию провозглашения Российской империи : сб. статей по итогам междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т. И. Мамазовой, М. В. Фоменко. М. : Русайнс, 2021. С. 323—330.
12. Иванов А. А., Котов А. Э. Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях Российской империи [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11, № 12 (98). Ч. 2. URL: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840008267-2.
13. Кабытов П. С. П. А. Столыпин: Последний реформатор Российской империи. М. : РОССПЭН, 2007. 192 с.
14. Кабытов П. С., Барина Е. П. Петр Аркадьевич Столыпин и российское дворянство // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 3. С. 79—91. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.7.
15. Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб. : Тип. Гл. управления уделов, 1908. 65 с.
16. Корево Н. Сеймовый устав для Великого Княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб. : Гос. тип., 1913. 390 с.
17. Мехелин Л. В пору конфликтов // Финляндия. 1909. № 5. С. 7—13.
18. Миллер А. И. Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. — Методологические проблемы // Российская империя между реформами и революциями, 1906—1916. М. : Квадрига, 2021. С. 249—271.
19. Миллер А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
20. Миндлин А. Б. Российские евреи в проектах «объединенного дворянства» // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 13—26.
21. Миндлин А. Б. Правительственные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX — начале XX века // Вопросы истории. 2000. № 8. С. 43—61.
22. Новикова И. И. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: имперский опыт России и вызовы современности. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 264—287.
23. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 1. 1906—1908 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 926 с.
24. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 2. Кн. 1. 1909—1910 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 679 с.
25. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 2. Кн. 2. 1911—1912 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 608 с.
26. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1916 гг. : в 3 т. Т. 3. 1913—1916 гг. М. : РОССПЭН, 2002. 912 с.
27. Омелянчук И. В. Еврейский вопрос в идеологии и политической практике русских монархистов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 232—264. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-732-761.
28. О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения: Проект пред. Совета министров и его рассмотрение в Гос. думе и Гос. совете : [сб. материалов]. СПб. : Гос. тип., 1911. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/zakon1910.html>.
29. Погодин С. Н., Рябова Л. А. Первый период русификации Финляндии (1899—1905 гг.) // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 338—348.
30. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXI. 1911. СПб., 1914. 1411 с. № 34900.
31. Сапир М. С. Попытка решения «еврейского вопроса» в программе реформ П. А. Столыпина (1906—1911 гг.) // Евразийский союз ученых. 2015. № 11-1 (20). С. 74—75.
32. Стенографические отчеты Государственной думы. 3-й созыв. Сессия 4-я. Ч. 2. СПб. : Гос. тип., 1910—1911.
33. Стогов Д. И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края // Русин. 2019. Т. 58. С. 79—94. DOI: 10.17223/18572685/58/6.
34. Столыпин П. А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. Нам нужна великая Россия. М. : Молодая гвардия, 1991. 411 с.
35. Трунов К. Н. Партия кадетов и финляндский вопрос (1905—1917 гг.) // Клио. 2015. № 1 (97). С. 101—105.
36. Шмаков А. С. Международное тайное правительство. М. : Алгоритм, 2011. 944 с.

37. Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809—1917 : пер. с фин. / под ред. акад. А. Ю. Румянцев. Хельсинки : Ruslania Books Oy, 2009. 844 с.

Поступила в редакцию 13.10.2021

Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: rfnz25@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2514-9421

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
Российская Федерация, 443086, г. Самара, Московское шоссе, 34
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2359-2155

UDC 94(47).083+323.17

E. P. Barinova

P. S. Kabytov

National issue in the discourse of the united nobility

The article analyzes the controversy at the congresses of the united nobility on issues related to the results and prospects for the implementation of the national policy by the imperial government. The congress delegates focused their attention on relations with Finland, Poland, as well as state policy towards Jews. It is noted that the activities of the national elites of the western outskirts of the Russian Empire were assessed by the nobility extremely negatively. The main recommendations of the united nobility to the government on the national issue are identified. The congress participants emphasized the necessity and legitimacy of legal restrictions on foreign groups of the empire, the unification of legislative norms, and made demands for changing territorial borders in the outlying territories of the country. The determining factor in assessing the activities of not only national elites, but also the entire foreign population of the western outskirts of the empire was the triad “alien — different — friendly”, which became the basis for the projects of the united nobility on the national issue.

Key words: State Duma, “Jewish question”, Western Territory, national politics, P. A. Stolypin, united nobility, Finland.

Barinova Ekaterina Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor
Samara National Research University
Russian Federation, 443086, Samara, Moskovskoye shosse, 34
E-mail: rfnz25@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2514-9421

Kabytov Petr Serafimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Samara National Research University
Russian Federation, 443086, Samara, Moskovskoye shosse, 34
E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2359-2155

References

1. Barinova E. P. *Rossiiskoe dvoryanstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik* [Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and socio-cultural image]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 351 p. (In Russian)
2. Bakhturina A. Yu. *Diskussii ob obshchegosudarstvennom i mestnom zakonodatel'stve v otnoshenii Velikogo knyazhestva Finlyandskogo (1908—1910 gg.)* [Discussions on national and local laws in relation to the Grand

Duchy of Finland (1908—1910)]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie — RGGU BULLETIN. Academic Journal. Ser. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2017, no. 8 (29), pp. 31—48. (In Russian)

3. Bakhturina A. Yu. Rossiiskoe revolyutsionnoe dvizhenie i Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe (1905—1908 gg.) [Russian revolutionary movement and Finland (1905—1908)]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie — RGGU BULLETIN. Academic Journal. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, 2009, no. 17, pp. 59—69. (In Russian)

4. Bakhturina A. Yu. Diskussii 1906—1910 gg. ob uchastii deputatov ot Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v rabote Gosudarstvennoi Dumy i Gosudarstvennogo Soveta [Discussions of 1906—1910 on the participation of deputies from the Grand Duchy of Finland in the work of the State Duma and the State Council]. *Tavrisheskie chteniya. 2018. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sb. nauch. statei: v 2 ch.* [Taurida Readings. 2018. Relevant problems of parliamentarism: history and modernity. International scientific conference. Collection of sci. articles. In 2 parts]. St. Petersburg, Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii “Asterion” Publ., 2019, pp. 55—61. (In Russian)

5. Bekker S. *Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoi Rossii* [The myth of the Russian nobility: The nobility and privileges of the last period of Imperial Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 346 p. (In Russian)

6. Bulatov Yu. Finlyandiya i imperskaya politika doma Romanovykh [Finland and the imperial policy of the Romanov dynasty]. *Mezhdunarodnaya zhizn' — International Affairs*. 2016, no. 1, pp. 30—59. (In Russian)

7. Vernyaev I. I. Reshenie Kholm'skogo voprosa: diskursivnye praktiki v Rossiiskoi imperii nachala XX veka [Solving the Kholm Governorate question: discursive practices in the Russian Empire at the beginning of the 20th century]. *Rusin*, 2018, no. 53 (3), pp. 97—114. DOI: 10.17223/18572685/53/7. (In Russian)

8. Vitukhnovskaya-Kaupala M. Politicheskaya markirovka prostranstva Rossiiskoi imperii: Finlyandiya i Pol'sha v dumskoi diskussii (1907—1912) [Political marking of the space of the Russian Empire: Finland and Poland in the Duma discussion (1907—1912)]. *Tavrisheskie chteniya 2009. Aktual'nye problemy istorii parlamentarizma v Rossii (1906—1917). Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. S.-Peterburg, Tavrisheskii dvorets, 4 dekabrya 2009 g.: sbornik nauch. statei* [Taurida Readings 2009. Relevant problems of the history of parliamentarism in Russia (1906—1917). International scientific conference. St. Petersburg, Taurida Palace, December 4, 2009. Collection of sci. articles]. St. Petersburg, 2010, pp. 127—141. (In Russian)

9. Gaida F. A. Natsionalizm v pravitel'svennoi politike P. A. Stolypina [Nationalism in the government policy of P. A. Stolypin]. *Voprosy natsionalizma*, 2015, no. 1 (21), pp. 155—162. (In Russian)

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 434. Op. 1. D. 203.

11. Drozhzhina S. V. Rol' natsional'nykh vzglyadov P. A. Stolypina v formirovanii territorii Rossiiskoi imperii (“finskii vopros”) [The role of national views of P. A. Stolypin in the formation of the territory of the Russian Empire (“the Finnish question”)]. *Tsivilizatsionnaya missiya Rossii: k 300-letiyu provozglasheniya Rossiiskoi imperii: sbornik statei po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Civilization mission of Russia: on the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire. A collection of articles based on the results of the Internat. sci.-pract. conf.]. Moscow, Rusains Publ., 2021, pp. 323—330. (In Russian)

12. Ivanov A. A., Kotov A. E. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty vvedeniya zemstva v zapadnykh guberniyakh Rossiiskoi imperii [Socio-economic aspects of the establishment of zemstvo in the western provinces of the Russian Empire]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriya” — The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)*, 2020, vol. 11, no. 12 (98), part. 2. Available at: <https://history.jes.su/s207987840008267-2-1/>. DOI: 10.18254/S207987840008267-2. (In Russian)

13. Kabytov P. S. *P. A. Stolypin: Poslednii reformator Rossiiskoi imperii* [P. A. Stolypin: The last reformer of the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 192 p. (In Russian)

14. Kabytov P. S., Barinova E. P. Petr Arkad'evich Stolypin i rossiiskoe dvoryanstvo [Pyotr A. Stolypin and the Russian nobility]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya — Science Journal of VolsU. History. Area Studies. International Relations*, 2019, vol. 24, no. 3, pp. 79—91. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.7. (In Russian)

15. Kamenskii N. *Sovremennoe polozhenie Finlyandii s tochki zreniya oborony gosudarstva* [The current position of Finland in terms of state defense]. St. Petersburg, Tip. Gl. upravleniya udelov Publ., 1908. 65 p. (In Russian)

16. Korevo N. *Seimovyi ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo, vysochaishe utverzhdennyi 20 iyulya 1906 goda. S prilozheniem i alfavitnym ukazatelem* [Seym charter for the Grand Duchy of Finland, approved on July 20, 1906. With appendix and alphabetical index]. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1913. 390 p. (In Russian)

17. Mekhelin L. V poru konfliktov [At the time of conflict]. *Finlyandiya*, 1909, no. 5, pp. 7—13. (In Russian)

18. Miller A. I. Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g. — Metodologicheskie problemy [The national question in the Romanov Empire after 1905 — Methodological problems]. *Rossiiskaya imperiya*

mezhd reformami i revolyutsiyami, 1906—1916 [Russian Empire between reforms and revolutions, 1906—1916]. Moscow, Kvadriga Publ., 2021, pp. 249—271. (In Russian)

19. Miller A. I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism: an essay on the methodology of historical research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 248 p. (In Russian)

20. Mindlin A. B. Rossiiskie evrei v proektakh “ob”edinennogo dvoryanstva” [Russian Jews in the projects of the “united nobility”]. *Voprosy istorii*, 2002, no. 4, pp. 13—26. (In Russian)

21. Mindlin A. B. Pravitel'stvennye komitety, komissii i soveshchaniya po evreiskomu voprosu v Rossii v XIX — nachale XX veka [Government committees, commissions and meetings on the Jewish question in Russia in the 19th — early 20th centuries]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 8, pp. 43—61. (In Russian)

22. Novikova I. I. Osoboe gosudarstvo ili provintsiiya imperii: problema gosudarstvenno-pravovogo statusa Finlyandii v rossiisko-finlyandskikh otnosheniyakh XIX veka [A special state or province of the empire: the problem of the state-legal status of Finland in the Russian-Finnish relations of the 19th century]. *Prostranstvo vlasti: imperskii opyt Rossii i vyzovy sovremennosti* [Limits of power: the imperial experience of Russia and the challenges of modernity]. Moscow, Mosk. obshchestv. nauch. fond Publ., 2001, pp. 264—287. (In Russian)

23. *Ob”edinennoe dvoryanstvo. S”ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906—1916 gg.: v 3 t. T. 1. 1906—1908 gg.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906—1916. In 3 volumes. Vol. 1. 1906—1908]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 926 p. (In Russian)

24. *Ob”edinennoe dvoryanstvo. S”ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906—1916 gg.: v 3 t. T. 2. Kn. 1. 1909—1910 gg.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906—1916. In 3 volumes. Vol. 2. Book 1. 1909—1910]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 679 p. (In Russian)

25. *Ob”edinennoe dvoryanstvo. S”ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906—1916 gg.: v 3 t. T. 2. Kn. 2. 1911—1912 gg.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906—1916. In 3 volumes. Vol. 2. Book 2. 1911—1912]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 608 p. (In Russian)

26. *Ob”edinennoe dvoryanstvo. S”ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvoryanskikh obshchestv. 1906—1916 gg.: v 3 t. T. 3. 1913—1916 gg.* [United nobility. Congresses of authorized provincial noble societies. 1906—1916. In 3 volumes. Vol. 3. 1913—1916]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 912 p. (In Russian)

27. Omel'yanchuk I. V. Evreiskii vopros v ideologii i politicheskoi praktike russkikh monarkhistov nachala XX stoletiya [Jewish question in the ideology and political practice of Russian monarchists in the beginning of the 20th century]. *Tetrady po konservatizmu*, 2020, no. 1, pp. 232—264. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-732-761. (In Russian)

28. *O poryadke izdaniya kasayushchikhsya Finlyandii zakonov i postanovlenii obshchegosudarstvennogo znacheniya: Proekt pred. Soveta ministrov i ego rassmotrenie v Gos. dume i Gos. sovete: (sbornik materialov)* [On the procedure for issuing laws and regulations concerning Finland of national importance: Draft prev. Council of Ministers and its consideration in the State Duma and the State Council. (Collection of materials)]. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1911. Available at: <http://www.hrono.ru/dokum/zakon1910.html>. (In Russian)

29. Pogodin S. N., Ryabova L. A. Pervyi period rusifikatsii Finlyandii (1899—1905 gg.) [The first period of the russification in Finland (1899—1905)]. *Rossiya v global'nom mire*, 2016, no. 9 (32), pp. 338—348. (In Russian)

30. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. T. XXXI. 1911* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1914. 1411 p. No 34900. (In Russian)

31. Sapir M. S. Popytka resheniya “evreiskogo voprosa” v programme reform P. A. Stolypina (1906—1911 gg.) [An attempt to solve the “Jewish question” in the reform program of P. A. Stolypin (1906—1911)]. *Evraziiskii soyuz uchenykh*, 2015, no. 11-1 (20), pp. 74—75. (In Russian)

32. *Stenograficheskie otchety Gosudarstvennoi dумы. 3-i sozyv. Sessiya 4-ya. Ch. 2* [Verbatim records of the State Duma. 3rd convocation. Session 4th. Part 2]. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1910—1911. (In Russian)

33. Stogov D. I. Russkie monarkhisty nachala XX v. o polozhenii pravoslavnogo naseleniya Zapadnogo kraja [Russian monarchists of the early twentieth century about the situation of the orthodox population in Western provinces]. *Rusin*, 2019, vol. 58, pp. 79—94. DOI: 10.17223/18572685/58/6. (In Russian)

34. Stolypin P. A. *Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906—1911. Nam nuzhna velikaya Rossiya* [Complete collection of speeches in the State Duma and the State Council. 1906—1911. We need great Russia]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1991. 411 p. (In Russian)

35. Trunov K. N. Partiya kadetov i finlyandskii vopros (1905—1917 gg.) [The Constitutional Democratic Party and Finnish Issue (1905—1917)]. *Klio. A monthly scholarly journal*, 2015, no. 1 (97), pp. 101—105. (In Russian)

36. Shmakov A. S. *Mezhdunarodnoe tainoe pravitel'stvo* [International secret government]. Moscow, Algoritm Publ., 2011. 944 p. (In Russian)

37. Yussila O. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe, 1809—1917: per. s fin. Pod red. akad. A. Yu. Rummyantseva* [Grand Duchy of Finland, 1809—1917: transl. from Finnish. Ed. by acad. A. Yu. Rummyantsev]. Khelsinki, Ruslania Books Oy Publ., 2009. 844 p. (In Russian)